

Глава 12

— Не нравится? — мягко спросил Жун Цзю.

Но как бы мягко он ни говорил, от него всё равно веяло холодом. Цзинчжэ, уже привыкший к этому, с тревогой держал в руках дорогой чёрный нефрит.

— Эта вещь слишком ценная.

Раньше Цзинчжэ жил на своё месячное жалованье, экономя и откладывая понемногу. У него были кое-какие сбережения.

Но по сравнению с этим чёрным нефритом они были каплей в море.

Сначала зелёное кольцо, теперь чёрный нефрит.

У него что, полоса везения?

Если так, то лучше бы ему повезло поскорее выполнить задание.

— Ничего, — понимающе сказал Жун Цзю. — Если не нравится, я подарю тебе что-нибудь другое.

Цзинчжэ был тронут, но всё же вежливо отказался.

— Не нужно мне больше ничего дарить. То, что было, уже прошло. Этот чёрный нефрит так ценен, оставь его себе.

— То, что было? — на холодном лице Жун Цзю на мгновение отразилось недоумение, а затем он понял, о чём говорит Цзинчжэ. — Разве мы не друзья?

Когда Жун Цзю говорил с ним своим прекрасным лицом, Цзинчжэ было трудно не согласиться.

Они ведь... вроде бы друзья?

— Раз мы друзья, то обмениваться подарками — это нормально, — спокойно сказал Жун Цзю.

— Ты любишь глазные яблоки?

Он настойчиво предлагал глазные яблоки.

Цзинчжэ растерялся. Глазные яблоки... у него же свои есть. Может, Жун Цзю имеет в виду нефрит, похожий на глаза?

Он поспешно замотал головой. Одна большая — уже проблема, а несколько маленьких — и подавно.

Но чтобы отказаться от глаз, пришлось принять чёрный нефрит.

Жун Цзю, какой настойчивый.

Цзинчжэ не хотел стоять с чёрным нефритом на виду. Он посмотрел на пустынный проход за воротами и сказал Жун Цзю:

— В Северных покоях сейчас почти никого нет. Может, зайдёшь?

Что до обязанностей Жун Цзю...

Цзинчжэ подозревал, что он не простой стражник.

Обычный стражник не мог бы оставить евнуха отдыхать в караульном помещении, да и к своим обязанностям он относился довольно небрежно. Вероятно, он был из знатной семьи.

Только имея за спиной влиятельных родственников, можно было жить так свободно.

Жун Цзю небрежно кивнул и вошёл в Северные покои. Он впервые оказался в этом месте, которое хоть и не называлось холодным дворцом, но было хуже него.

Во дворце официально не было холодного дворца.

Но Северные покои по сути им и были.

Здесь жили наложницы покойного императора, все уже в возрасте. Самой молодой и активной была недавно умершая Цайжэнь Яо, остальные вели затворнический образ жизни.

Цзинчжэ не хотел вести Жун Цзю к себе. Их жилища были убоги и видны как на ладони.

Но во внешнем ряду домов стояли каменный стол и стулья. Цзинчжэ пригласил Жун Цзю сесть там и принёс горячей воды.

Жун Цзю сел на каменную скамью, но на чашку с водой даже не взглянул, а неотрывно следил

за Цзинчжэ.

Цзинчжэ, похлопотав немного, запер чёрный нефрит, но достал другую вещь.

Зелёное кольцо лучника.

В детстве его семья жила в достатке, но не была богатой.

В нефритах и драгоценностях он не разбирался.

Он показал кольцо Жун Цзю в надежде, что тот что-нибудь поймёт.

Прозрачное зелёное кольцо на бледных пальцах Жун Цзю. Тот взглянул на него и равнодушно сказал:

— Подделка.

Цзинчжэ моргнул.

— Как ты это определил? — смиренно спросил он.

Жун Цзю указал ему:

— Нефрит — природный камень. Каким бы чистым и прозрачным он ни был, в нём всегда есть природные вкрапления. Этот слишком прозрачен, что неправильно.

Конечно, бывают и исключения.

Но такие камни либо подносятся в дар императору, либо находятся в руках знати. Простым людям они недоступны.

Затем он перевернул кольцо и показал Цзинчжэ внутреннюю сторону.

— Кольцо лучника используется для стрельбы, поэтому его форма отличается от обычного, у него есть выемка снизу. А на этом её нет, зато внутри есть мелкие выступы...

Он провёл по ним пальцем и поднял бровь.

— Возможно, это ключ.

Жун Цзю протянул кольцо Цзинчжэ и указал на внутреннюю сторону.

Цзинчжэ и раньше замечал эти зубцы, даже примерял кольцо. Но из-за их малого размера они почти не ощущались и не мешали, так что он принял их за дефект.

Если представить, что эти зубцы — выступы на ключе, то это вполне возможно.

Но если ключ здесь... то где замок?

— Цзинчжэ, ты всё время провёл в Северных покоях. Не хочешь уйти в другое место? — небрежно спросил Жун Цзю. Он знал, что Цю И из дворца Чэнхуань приглашала его, но Цзинчжэ в панике сбежал.

Словно от чумы.

Необъяснимая симпатия была для него как чума. И повышение в должности тоже.

— А разве в Северных покоях не спокойно?

Он помнил о мести за свою семью. И помнил наставления родителей.

Он выжил лишь благодаря их самоотверженности. Жизнь одна, и если он будет слишком неосторожен, то не только попадёт в загробный мир, но и получит от отца по голове.

Он любил отца, но не любил получать по голове.

Жун Цзю смотрел на Цзинчжэ, а Цзинчжэ — на него.

Взгляд Цзинчжэ был ясен.

Все эти годы в Северных покоях он оставался чист.

И он намеренно к этому стремился.

Дворец — это огромный водоворот. Попав в него, ты неизбежно будешь затянут. Единственный способ выжить — держаться подальше от центра, не видеть всей этой грязи, чтобы эта прогнившая крепость не утащила тебя в ад.

Жун Цзю с усмешкой спросил:

— Но если ты не ищешь неприятностей, разве они не найдут тебя сами?

Цзинчжэ подумал о Цянь Цине, о матушке Мин, о системе, о Цайжэнь Яо... и под взглядом Жун Цзю сдулся, словно проколотый пузырь, и безвольно обмяк.

Эта лужица по имени Цзинчжэ ещё и бормотала:

— Как же трудно, чёрт...

Он бормотал и бормотал.

Он редко вёл себя так при ком-то, кроме Минъюя.

Минъюй был его лучшим другом.

А что до Жун Цзю...

Цзинчжэ посмотрел на его прекрасное лицо и снова ожил. Стоило взглянуть на красоту Жун Цзю, и появлялась надежда.

Он собрался с духом и с улыбкой заговорил с Жун Цзю.

На самом деле, разговаривать с Жун Цзю было непросто. Как и предупреждал Минъюй, такие люди, как он, обычно были вспыльчивы, властны и неразговорчивы. Скажешь десять слов — не факт, что он ответит хоть на одно. Скучно.

Но Цзинчжэ это не волновало.

Он скажет десять слов, Жун Цзю ответит одно, и он скажет ещё десять. Конечно, Цзинчжэ и сам был не очень разговорчив. Но Жун Цзю молчал, а они ведь друзья. Чтобы поддерживать отношения, кто-то должен был быть активнее.

Жун Цзю всегда был активен в дарении подарков, так почему бы ему не быть активным в разговоре?

Это называется взаимообмен.

Но, принимая подарки, чувствуешь себя обязанным. А подарки Жун Цзю становились всё дороже. Цзинчжэ не хотел оставаться в долгу и всерьёз задумался, что подарить ему в ответ.

Но Жун Цзю выглядел как знатный господин, у которого всё есть.

Цзинчжэ долго думал, и перед уходом Жун Цзю всё же решился спросить.

— Ты хочешь сделать ответный подарок, но не знаешь, что подарить, поэтому спрашиваешь меня напрямую? — Жун Цзю, стоя в дверях, поднял бровь. — А как же сюрприз?

...Какой ещё сюрприз?

Как сегодня, с огромным чёрным нефритом?

Это был скорее шок!

— Главное, чтобы подарок пришёлся по душе, а не был сюрпризом, — улыбнулся он. — Лучше спросить напрямую, чем гадать.

Жун Цзю кивнул, соглашаясь с его странной логикой.

— В последнее время холодно, мне не хватает перчаток.

Цзинчжэ догадывался, что у Жун Цзю большая и богатая семья. Неужели у него действительно нет перчаток? Но раз Жун Цзю сам попросил, он, конечно, сделает.

...На самом деле, он немного умел шить.

Что поделаешь, в Северных покоях приходилось всё делать самому. Если одежда порвётся, никто её не зашьёт.

— А какой цвет тебе нравится?

— Любой, — губы Жун Цзю изогнулись в пугающей усмешке. — Только не красный.

Кровь, хлынувшая изо рта женщины, капала на постель, извиваясь, как змея, и источая смертельную ненависть. Она безвольно опустилась на кровать, её прекрасные глаза с ненавистью смотрели на него. Она с трудом открыла рот.

— Почему бы тебе не умереть?

— Жун Цзю, Жун Цзю?

Видя, что Жун Цзю задумался и не отвечает на его зов, Цзинчжэ инстинктивно схватил его за руку.

Холодную.

Кожа мужчины была бледной, и на ощупь такой же холодной, как нефрит. Цзинчжэ вздрогнул.

Обеспокоенный, он привстал на цыпочки и потянулся, чтобы коснуться его глаз. Но не успел — Жун Цзю очнулся.

Цзинчжэ смотрел на него, его глаза сияли, как у птенца, выглядывающего из гнезда, — ясные и чистые.

А Жун Цзю вспомнил ту ночь.

То мягкое, дрожащее тело в его объятиях.

Поза была откровенной, но в глазах стояла влажная дымка.

Растерянный и жалкий.

Хрупкие, чистые создания вызывают жалость.

Но они же притягивают беду, порождая тёмное желание — сокрушить, уничтожить.

Невинность...

Порой невинность — величайший грех.

<http://bllate.org/book/16993/1582992>